

Михаил ИЛЬВЕС**КОРОЛИ НАЧИНАЮТ, НО ВЫИГРЫВАЮТ НЕ ВСЕГДА**

Президент ФИДЕ и пятый чемпион мира по шахматам Макс Эйве

За те 118 лет, которые насчитывает история шахматных чемпионатов, на этот Олимп поднялись только 14 гроссмейстеров, и все они были людьми выдающимися. Мне посчастливилось прикоснуться к этой теме, когда во время полуфинального матча претендентов на звание чемпиона мира между Виктором Корчным и Тиграном Петросяном в 1974 году в Одессе я выпускал шахматный бюллетень местной "Вечерки". Тогда в этот город, бывший далеко не последним шахматным центром и в СССР, и даже в мире, съехались многие гроссмейстеры и даже один из чемпионов — Макс Эйве, бывший в то время президентом Международной шахматной федерации.

Матч претендентов тогда оказался коротким — при счете 3:1 в пользу Корчного он был прерван из-за болезни Петросяна, но жизнь вокруг него была бурной. Знаменитые шахматисты давали сеансы одновременной игры, комментировали партии прямо по ходу матча, раздавали одесситам автографы. Помню, как я поинтересовался у Эйве, мог ли бы он написать что-либо для нашей газеты, и он сразу же дал согласие. А уже утром его переводчик принес мне в редакцию и эту статью, и ее перевод — оказалось, что оба они трудились над нею почти всю ночь. Эйве рассказывал в ней о своем визите в Одессу в 1934 году, вскоре после чего он и стал чемпионом мира — победив самого Алехина.

Другая шахматная легенда — Сало Флор — сам принес мне свою статью, в которой он рассказывал о том, как они вместе с тем же Алехиным в пух и прах проигрались в казино Монте-Карло — даже могучего интеллекта двух тогда первых номеров шахматного мира не хватило для борьбы с шариком рулетки. Между прочим, мне тогда повезло задать Эйве замечательный вопрос: "Если было бы можно, — спросил я его, — провести сейчас турнир 11-ти чемпионов (на тот момент их было именно столько), то как бы распределились они в итоговой таблице? Иными словами, как оцениваете вы их по объективной силе?". Этот вопрос интересен был, прежде всего, тем, что сам Эйве в личных поединках

умудрился встретиться в свое время со всеми ими — со всеми, кроме первого чемпиона Вильгельма Стейница.

И вот что ответил пятый чемпион:

— Это трудный вопрос, — сказал он, — тем более что некоторые из чемпионов сейчас здравствуют. Наверное, первым я поставил бы все-таки Морфи, хотя официально в это число он не входит. Второе и третье места разделили бы Фишер и Ботвинник. Далее я поставил бы четырех Маэстро — Алехина, Ласкера, Капабланку и Стайница. Затем Таль, Петросян, Смыслов и Спасский — кого выделите из них, не знаю. А последнее место осталось, как видите, мне.

Согласитесь — очень интересно!

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ**«В начале жизни школу помню я...»**

Мама сшила мне сумку с ремешком через плечо, сестры поочередно вышивали мне ее в течение лета. С ней я и отправилась в первый класс. Покупка портфеля и, к счастью, еще не обязательной школьной формы в первые послевоенные годы была для скудного семейного бюджета неподъемной.

Школа была на Французском бульваре, точнее, в тулицке, параллельном Юнкеровскому переулку. Квартиры первого этажа когда-то роскошного дома начала двадцатого века с лифтом (правда, не работавшим) были превращены в классы.

Первое же впечатление от школы было пугающим. Неразбериха, орущая толпа учителей, растерянные дети, не знавшие, куда приткнуться на сентябрьском солнышке, — мне сразу захотелось домой!

Странно, но от первых двух школьных лет у меня не сохранилось почти никаких воспоминаний. Я уже читала запоем, после освобождения Одессы писала письма на фронт, прыгала до потолка от радости, когда приходили треугольные почтой на мое имя, а тут — чья-то чужая мама в букваре, которая вечно что-то мыла: "Мама мыла раму, мама мыла Машу". В школе было скудно.

Зато вокруг школы было интересно. Я очень недолго ходила в школу в сопровождении старших, освоив маршрут, я отправлялась в Гимназическую на Французский бульвар одна. Впервые почувствовав свою самостоятельность, я осваивала неведомую мне одесскую географию. Можно было идти в школу по Малой Арнаутской до Белинского, а можно было по Новорыбной (дома у нас все улицы назывались по-старому), можно было пройти к школе через улочки Отрады, а можно было идти по Французскому бульвару, наблюдать смену красок царственной листвы, приклеивать "носики" кленов на свой собственный нос. Встречать по дороге несчастных инвалидов. Особенно много в том районе было слепых, которых бережно вели их жены, дождавшиеся с фронта пусть изувеченных, но все же вернувшихся мужей.

Многое казалось таинственным. Маленький особняк между Белинского и Юнкеровским (Лейтенантским, вице-адмирала Азарова) переулком. Высокая решетка отделяла его от бульвара. К косякам решетки с внутренней стороны был приторочен грубый тол — от любопытных глаз. Иногда открывались ворота, быстро выезжала машина, ворота тут же захлопывались. В это мгновение можно было заметить клумбы, и никогда не было видно обитателей. Молва приписывала владение этим особняком какому-то генералу... Рядом с решеткой особняка высились огромные резные двери. Никогда не открывавшиеся. Они тоже казались таинственными.

По дороге домой (не в школу — чтобы не опоздать на уроки!) соблазном был велотрек за легко преодолеваемым забором — на месте нынешней мюзикомедии. Особенно притягательным был он зимой, когда, сидя на появившемся у меня портфеле, можно было съезжать по его заснеженным крутым склонам. Этот велотрек позже писал Люсик Межберг.

Появились первые подружки. Одной из любимых была ясноглазая умница Соня Ойвин. Отец погиб на фронте. Соня, мама, брат и бабушка (я впервые услышала слово "бобеле")

жили в двух крошечных комнатках, одна из которых была проходной. Однажды мы заговорились, приближались сумерки. Вдруг Соня попросила меня говорить шепотом. Мы еще какое-то время пошептались. Я засобиравшись домой, Соня пошла меня провожать. В проходной комнатке за столом с зажженными свечами сидела бабушка, произносившая молитву на непонятном языке. Она не шевельнулась, а мы на цыпочках прошли за ее спиной. Так впервые я увидела зажженные субботние свечи.

Еще не были отменены хлебные карточки. Я не понимала, что такое маслины, которые часто вспоминала мама: "Так хочется хоть одну маслинку". Я знала низкорослые деревья с тонким запахом мелких желтых цветочков, с узкими серебристыми листьями и серебристыми крошечными плодами, которые мы ели, несмотря на терпкий вкус. Почему же мама говорит, что маслины крупные и черные? Непонятно!

С упоением мы ели не только мелкие дикие маслины, но и сводившие от оскомины рот зеленые абрикосы, шелковицу, кисло-сладкое содержимое стручков гледичии. И "гогочки"! Что за дерево одаривало нас этими мелкими круглыми плодами, ума не приложу. Сто лет я не видела эти "гогочки", наверное, я бы их и не узнала сейчас. Но в памяти они остались!

В первые два школьных года под любым намеком на температуру, на заболевание, я пыталась остаться дома. А уж корь, скарлатина и другие детские болезни, длившиеся долго, казались мне вознаграждением за скучные школьные часы! Я не понимала страха взрослых. Я чувствовала себя наконец-то принцессой, вокруг которой суетятся, несут какие-то скромные, но для меня такие желанные гостинцы!

Но наступала необходимость опять тащиться в школу. Успокаивало меня только то, что вновь я смогу пройти по Гимназической до Новорыбной и заглянуть снизу вверх в огромные окна бывшей Пятой гимназии, где после войны размещался ветеринарный факультет сельскохозяйственного института. В этих окнах были видны устрашающие скелеты каких-то крупных животных. И страшно, и интересно!

Но особенно манящей была витрина гастронома на Канатной угол Новорыбной. В ней было представлено изобилие по-советски — в виде бутафорных калачей, окороков и колбас. Что там было еще, не помню, но нежно-розовая колбаса, казалось, источала аромат. Опираясь на перекладину перед витриной, я долго любовалась этой сказочной роскошью снеди. Однажды подошел мальчик, чуть старше меня, и сказал: "Что, смотришь?! А я это ем!". Больше к этой витрине я не подходила. Теперь же, когда наша Соня учиняет мне "допрос с пристрастием", с детским лукавством искушая меня: "Что ты больше любишь, яблоки или колбасу?". Я отвечаю: "Колбасу!". "А что ты больше любишь, конфеты или колбасу?" — "Колбасу!". Последняя высота искушения: "А что ты больше любишь, мороженое или колбасу?" — "Колбасу!" — совершенно искренне отвечаю я. Сонечка смотрит на меня с сожалением...

После первых двух лет на Французском бульваре нас почему-то на год перевели на Большую Арнаутскую, в 101-ю школу (бывшую гимназию Панченко, как не забывает напомнить мне Саша Розенбойм). Именно здесь, в

вестибюле школы я увидела впервые девочку с летящей походкой, с зелеными глазами и чуть рыжеватыми густыми волосами. Это была Эвелина Шац.

Оглядываясь вокруг, я понимаю, что среди всех моих друзей и знакомых (о родственниках не говорю) нет человека, не просто знакомство с которым, но дружба, привязанность, несмотря на расстояния, редкие встречи, длится, по сути, всю жизнь. Гораздо позже, до знакомства со мной, с Линой познакомился Голубовский. И это знакомство переросло в дружбу. Да что может передать суховатое слово — дружба? Нашу любовь, восхищение, соперничество не вместить в одно слово. Так что третий класс мне запомнился. Линочка, мы тебя любим!

И еще один вроде бы не заметный эпизод произошел в третьем классе.

Недавно, увидев в "Новостях", северокорейское камлание по поводу десятилетия годовщины со дня смерти Ким Ир Сена, я в очередной раз подумала, как схожи нечеловеческие режимы. Убийство всего живого и возвеличивание смерти, особенно лицемерно-садилическое прославление поверженного соперника.

При Сталине неперенные утренники в школе 1 декабря, в день, как говорилось, смерти Кирова. Я сама самозабвенно читала тихоновские строчки: "В железных ночах Ленинграда по городу Киров идет".

А уж день смерти Ленина — он был выходным днем (не 8 Марта, не День Победы!). День рождения Ленина был обозначен в календарях, но никаких аффектаций в связи с ним не припомню. А накануне выходного перед днем смерти — на все лады твердились тлетворные лживые тексты из "Краткого курса истории ВКП(б)". Оценки, естественно, сегодняшние. Ничего этого в третьем классе я не понимала.

Нашей учительницей в третьем классе, всего лишь год, была пожилая дама, которую звали Елена Яковлевна. Фамилии ее я не знала ни тогда, ни тем более сейчас. К сожалению, Елена Яковлевна с венчиком седых волос, в каком-то платье темного цвета с белым воротничком была похожа на гимназических наставниц. Возможно, она успела побывать в этой роли до революции, от которой нас отделяли тридцать с небольшим лет.

И вот наступает "предсмертный" ленинский день. Всюду собрания, классные часы, всюду слышен шелест страниц "Краткого курса".

После уроков Елена Яковлевна оставляет нас всех на классный час. Мы уже выучили стихи о Ленине и Сталине ("два сокола ясных ведут разговоры" и все в таком же духе!) и готовы их читать друг другу и нашей старенькой (как нам кажется) учительнице. Но Елена Яковлевна достает из старомодной сумочки старую книжечку, и, к нашему удивлению, начинает читать стихи памяти героев, павших в русско-японскую войну. Она читает тихо, но выразительно, с чувством. И ни слова о Ленине-Сталине.

Что это было? Понимала ли она, что делает? Было ли это данью памяти погибшего жениха, отца, брата? Ничего не знаю.

После третьего класса мы вновь вернулись к себе на Французский бульвар. К нам пришла новая учительница. Елену Яковлевну я больше никогда не видела. Но почему-то это вроде бы незначительное воспоминание — одно из самых дорогих в так и не полюбившейся мне школе.

Татьяна Орбатова**Сундучок со смыслями**

Умереть можно в любой момент, но не в любой момент можно выжить.

Старого критика вдохновляли только критические дни молодых поэтов.

Он искал свою половину, а когда нашел — разочаровался в себе.

Инстинкт самосохранения не всегда способствует сохранению самооценки.

Он оценил Ее девственность, а Она — Его свободу.

Освободиться можно только от иллюзии свободы.

Его интересовали только те женщины, тела которых были отмечены множеством годичных колец.

Закон поз
Поза, принимаемая телом, определяется положением.

Закон положений
Положения, которые может занять человек, полностью определяются множеством поз, которые способно принимать его тело.

Она имела силу, чтобы с ним жить, а он жил с ней из уважения к ее силе.

Себя любить никто не запретит, но никто и не заставит.

Он попрекал ее в том, что она ест его хлеб, и она ограничила себя в мучном.

Если ваша знакомая всякий раз при встрече говорит, что никогда и никому не завидует, поинтересуйтесь, почему она рассказывает об этом именно вам.

О шизофрении
Она может быть такой многозначительной!

Она многое о себе воображала: что умна, красива, талантлива. И все соглашались, что у нее богатое воображение.

Хлеб кормит, а его режут или ломают.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ. Коммерческий директор Леонид РУКМАН.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА «Вікна-Одеса» (тел. 23-13-60).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N _____ газета отпечатана в типографии «СІС».

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 724-01-35. www.odessitclub.org.